

ГЕНЕЗИС «АФГАНСКОГО» ФАКТОРА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация

Современные международные отношения обозначили Центральную Азию в качестве региона, заново открывающегося и открываемого внешнему миру, и прежде всего на фоне долгих надежд на мир и стабильность на многострадальной афганской земле. Еще не раскрытые и многообещающие возможности Афганистана имеют достаточный потенциал для выхода из многолетней междоусобицы, политического тупика и социально-экономической разрухи, отхода от радикализма и перехода к строительству полноценного государства. Сегодня можно наблюдать некоторые попытки выстраивания собственной политики, и этот процесс будет пропорционально усиливаться по мере укрепления позиций государств всего региона.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, радикализм, «Талибан», Пакистан, Зона племен, Исламский Эмират Афганистан, «Исламское государство», «Лашкар-и-Тоибас», «Тахрик-э-Талибан Пакистан»¹.

DOI: 10.51180/RPS.2022.20.3.002

Автор

Улугбек Хасанов

Заведующий кафедрой международных отношений
Университета мировой экономики и дипломатии,
кандидат политических наук, доцент
(Ташкент, Узбекистан)

Исчезновение с политической карты мира СССР и возникновение в начале 90-х гг. новых суверенных государств коренным образом изменило геополитическую конфигурацию Евразии. Необходимость приспособления к изменившейся международно-политической ситуации оказала серьезнейшее воздействие на становление Центральной Азии как нового геополитического региона мира. Большая роль в этом процессе принадлежала с самого начала не только региональным факторам, но и глобальным.

С самого начала приходилось учитывать фактор того, что разные части бывшего СССР ныне граничат с разными регионами Евразии, которые во многих

отношениях мало сопоставимы друг с другом (Европа, Иран, Южная Азия, Китай и т.п.). Соответственно, различны и варианты указанного влияния — от потенциально позитивных до резко негативных (Таджикистан — Афганистан).

В условиях усугубления ситуации в регионе на протяжении 90-х и 2000-х гг. решающее значение отводилось последствиям войны в Афганистане. Во многих исследованиях при этом специально подчеркивалось, что США при активной поддержке Пакистана и в контексте противостояния двух сверхдержав внесли огромный вклад в вооружение и подготовку боевых сил «нового врага западного демократического мира» [2. — Р. 37–43]. В дальней-

¹ Прим. редакции: движения «Талибан», «Исламское государство», «Лашкар-и-Тоибас», «Тахрик-э-Талибан Пакистан» — организации, деятельность которых запрещено в России.

шем развитии этой ситуации отмечают два момента: практическое создание Пакистаном движения «Талибан»¹ и усиление антизападной позиции исламских радикалов в свете войны в Персидском заливе и положения на Аравийском полуострове. Заслуживают определенного внимания факторы, которые определяют специфику международного радикализма в целом.

Достаточно вспомнить, что приход в конце 90-х гг. к власти в Афганистане движения «Талибан» создал тогда некий «плацдарм» в виде целой страны, которая к тому же пользовалась разнообразной поддержкой Пакистана и финансовой помощью ряда государств Ближнего Востока. Все вместе это позволило в 90-х годах готовить кадры и координировать усилия в организации деятельности и участия в военных операциях в Индии (в Кашмире и других районах), на юге Филиппин, против Китая в Синьцзяне, Египте, России (в Чечне и Дагестане), а также в странах Центральной Азии [3].

В этой связи нельзя не отметить, что в рамках развития всего комплекса межгосударственных отношений в регионе Афганистан будет сохранять свою особую роль. Это значение определяется рядом факторов, в первую очередь тем, что многие народности Афганистана имеют этническую общность с населением Центральной Азии. За многие предшествовавшие годы нестабильности, значительное количество неконтролируемых, да и контролируемых вооруженных формирований тоже превращали Афганистан в «очаг напряженности по всему периметру южных границ государств Центральной Азии». Попытки некоторых лидеров национальных групп Афганистана в своей борьбе за центральную власть в Кабуле использовать среднеазиатскую карту длительное время имели довольно

заметное негативное влияние на региональную политику в целом, о чем свидетельствует взаимная жесткая дипломатическая риторика руководства Таджикистана и Исламского Эмирата Афганистан.

Ислам в государствах Центральной Азии все более превращается в силу, с которой не могут не считаться правительства. Именно поэтому главы всех государств Центральной Азии вне зависимости от их политической ориентации апеллируют к исламским ценностям, с тем чтобы мобилизовать общественное мнение и вызвать определенную популярность и поддержку своего политического курса. Тем не менее вряд ли в настоящее время следует считать, что складывающаяся ситуация будет враждебной по отношению к России, поскольку воинствующий ислам занимает пока только незначительное место в спектре всего исламского движения в Центральной Азии, а умеренные мусульманские течения выступают за сохранение исторически сложившихся связей с Россией. Необходимо также учитывать то, что нынешнее руководство республик, выражая намерение любой ценой обеспечивать стабильность в регионе, препятствует превращению ислама в доминирующую политическую силу.

Центральная Азия — регион, заново открывающийся и открываемый внешнему миру. Его освоение, по существу, только начинается. Многообещающие возможности Центральной Азии превращают ее, как и Закавказье, в объект геополитических интересов многих стран мира, соответственно, регион становится местом столкновения интересов мировых и региональных центров силы. Со своей стороны, государства региона, судя по всему, не собираются быть просто пассивными свидетелями происходящих в мире изменений. Уже сейчас можно наблюдать активизацию их политики, и этот процесс, надо думать, будет пропорционально усили-

¹ Прим. редакции: движение «Талибан» — организация, деятельность которой запрещена в России.

ваться по мере укрепления их экономического и политического положения.

Необходимо отметить, что в прежние годы США проводили по отношению к талибам политику двойных стандартов, оказывая им в обход введенных ООН санкций поддержку оружием и деньгами через Пакистан [4. — Р. 47]. Только присутствие на территории Афганистана «Аль-Каиды»¹ мешало США договориться с талибами и в дальнейшем попытаться использовать их в оказании хотя бы опосредованного давления на стратегически важные регионы — Южную и Юго-Западную Азию и Китай. Примечательно, что в докладах Государственного департамента США по международному терроризму за 1999 и 2000 г. Афганистан упоминался в качестве угрозы именно в связи с поддержкой и укрытательством «Аль-Каиды» и ряда других террористических групп, однако не включался в число стран — спонсоров международного терроризма [5], к которым с 1993 года США традиционно относили Кубу, КНДР и Ирак [6. — Р. 39–42].

Можно предположить, что США использовали афганский фактор для укрепления своих позиций в Центральной Азии. Еще в октябре 1999 года министерство обороны США передало право руководства американскими вооруженными силами в Центральной Азии от Тихоокеанского командования — Центральному. Поскольку Центральное командование уже осуществляет контроль над американскими силами в районе Персидского залива, то принятие им на себя контроля над Центральной Азией означает, что к этому региону будут с повышенным вниманием относиться те, чья главная задача — защитить интересы Соединенных Штатов и их союзников.

Отдельного рассмотрения заслуживает тот факт, что лишенная жест-

кой иерархичности сетевая структура талибского движения обеспечивала ему высокую степень собственной защищенности. Вероятнее всего, подобная ситуация сохранится до тех пор, пока стратегия и тактика преодоления таких вызовов не будет выведена международным сообществом на столь же высокоорганизованный уровень международного сотрудничества, каким отличается сама эта сеть, особенно учитывая ее взаимодействие с интернационализированными синдикатами близких по природе радикальных групп. Ведь именно благодаря сетевым связям с многочисленными группами талибов на протяжении почти трех десятилетий диверсифицировали свою оперативную тактику, начиная от партизанских операций и заканчивая точечными атаками отдельных ячеек. Как отмечает известный ученый-востоковед Мухаммад Амир Рана, «даже не входившие в состав талибов различные группы в Северном и Южном Вазиристане, проявляя свою симпатию к ним, также иногда называли себя “местными талибами”, как, например, группы муллы Маулави Назира и Кори Гуль Бахадура» [7]. Они по-прежнему сосредоточены на территории Афганистана.

К тому же сама специфика «афганского» вектора в международных отношениях свидетельствует прежде всего о множественности факторов, способствовавших возникновению и расширению повстанческого движения в Афганистане. К наиболее значительным из них относятся: «...боевые традиции местных племен, распространение “культуры джихада” после советского вторжения в Афганистан в 1979 году; установление режима талибов в Афганистане после вывода советских войск в 1990-е годы и его каскадный эффект на территориях Зоны племен; “война с террором” после 11 сентября 2001 года и концентрация пакистанских и транснациональных боевых сетей в регионе; и политический, структурный

¹ Прим. редакции: «Аль-Каида» — террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

и административный вакуум в стране в последние 30 лет» [Там же]. Повстанческое движение можно разделить на три основных этапа в зависимости от его меняющихся характеристик и ответных мер со стороны коалиционных сил.

Период между 2002 и 2007 г. был этапом формирования повстанческого движения в Зоне племен, которое к 2009 г. переросло в полноценное повстанческое движение через территории проживания племен. Кроме того, «...в период с 2002 по 2010 год в регионе появилось более 60 местных группировок талибов, в которые также входили небольшие группы в населенных районах Хайбер-Пахтунхва. Изначально около 40 групп талибов входили в альянс, и в последующие годы это число продолжало расти» [8]. Точно так же «...14 групп талибов были частью другого альянса талибов, известного как альянс Вазири, который возглавляли упомянутый Маулави Назир и Кори Гуль Бахадур» [9]. Многие из этих групп уже имели сети в районах проживания племен, и с появлением пакистанского движения «Талибан» члены ряда данных групп пополнили его ряды. Боевики «Аль-Каиды» и афганские талибы бежали в ходе атак США в Афганистане в конце 2001 года. Группы боевиков начали апеллировать к мусульманской умме, основанной на общей религии, то есть исламе, против западной оккупации Афганистана и обозначили тогда новую фазу джихада. Помимо этого, чтобы лучше понять рост повстанческого движения «Талибана» в районах проживания племен Пакистана, важно учитывать особенности общественных структур в Зоне племен и недостатки системы ее управления [1]. Талибы использовали эту слабую систему управления и еще больше ослабили ее, чтобы создать пространство для их консолидации и усиления поддержки со стороны населения Территорий федерального управления. С этой целью они участвовали в нападениях на административную систему племен,

включая в основном политических агентов — федеральных гражданских бюрократов в Зоне племен, а также старейшин [9]. Как только они смогли создать пространство для работы и продвижения своей идеологии, боевики «Талибана» начали предлагать людям племен параллельные системы безопасности и правосудия, учредив свои собственные суды почти во всех частях Зоны племен и в некоторых населенных районах Хайбер-Пахтунхва. Отсутствие эффективной правовой системы также усугубило недовольство людей неспособностью государства отправлять правосудие.

Вообще, анализировать характеристики и динамику повстанческого движения талибов с целью изучения его действующих сил и атрибутов всегда было сложной задачей. С момента своего создания движение «Талибан» прошло через множество кривых и обозначило себя в качестве состоявшейся политической силы на политической арене Афганистана [10. — Р. 19]. Присутствие аффилированных с «Аль-Каидой» и «Исламским государством»¹ с одной стороны и явное преобладание влияния афганских талибов практически на всей территории Афганистана с другой, а также наличие явного противостояния между ними не свидетельствуют об установлении стабильности и безопасности в стране, и поэтому стоит остановиться на наиболее значимых из них.

Особенности возникновения влиятельного крыла движения, известного как «Тахрик-э-Талибан-Пакистан»², заслуживают отдельного рассмотрения. Сформированная в 2007 г. Байтуллахом Мехсудом на территории племен в Южном Вазиристане, группа еще в

¹ Прим. редакции: «Исламское государство» — сокращенно ИГ или ИГИЛ, в арабских СМИ — ДАИШ, запрещенная в России террористическая организация.

² Прим. редакции: «Тахрик-э-Талибан-Пакистан» («Движение талибов Пакистана») — запрещено в России.

первые годы своего существования перекочевала на трансграничную территорию между Пакистаном и Афганистаном, а многие лидеры группы обосновались на афганской стороне границы, особенно после масштабной операции пакистанской армии в Северном Вазиристане в 2014 г. [11]. Сегодня немалые ее подразделения присутствуют в Зоне племен, или на так называемой Территории племен федерального управления, в районах Хайбер-Пахтунхва, Пенджаб, Карачи и Белуджистан. Структуры их поддержки присутствуют в основном в пригородах Кветты и других районах, где доминируют пуштуны, особенно вдоль афганской границы. Другими словами, важная боевая инфраструктура пакистанских талибов обосновалась на территории Афганистана после известной операции «Зарб-и-Азб» 2014 года [Там же]. К тому же кризис лидерства внутри движения внес существенный разлад в его деятельность. Крупная фракция во главе с Омаром Хорасани сформировала свою собственную группу «Джамаатул Ахрар»¹ все в том же 2014 году. По мнению некоторых ученых, многие полевые командиры пакистанских талибов предпочли поддержать ИГ, в их числе оказались такие ключевые лидеры движения, как шейх Макбул из «Шахидулла Шахид», хафиз Долат, лидер талибов в округе Оракзай; Гуль Заман, руководитель ячейки в округе Куррам, муфтий Хасан, лидер в округе Хайбер, и Халид Мансур, глава движения в Хангу [Там же]. Здесь надо отметить, что пакистанские талибы традиционно придерживались взглядов суннитов-деобанди, отличавшихся антипакистанским, антизападным характером, и была нацелена на борьбу со всеми, кого считала «врагами» ислама и мусульман», и именно с этих позиций она выступала против

центральной власти в Кабуле и иностранного присутствия в Афганистане.

Появление ИГ и связанная с этим некоторая активность среди пакистанской части боевиков выявили противоречия и разночтения с программными целями Аль-Каиды. Ввиду серьезного внутреннего конфликта между ними в последние годы «Аль-Каида» сместила акцент на Йемен и Сирию. Тем самым возможности «Аль-Каиды» увеличить свою популярность и поддержать авторитет среди местных союзников были заметно сужены, хотя и еще с конца 2014 года отмечено появление так называемой «Аль-Каиды на Индийском субконтиненте», что преследует цель установить халифат Хорасан, который также включал бы Индию. Возглавлял группу вплоть до своего устранения шейх Асим Умар, лично поддержанный Айманом Аль-Завахири, ранее представлявший джихадистов из «Харкатул Джихад Ислами», которая была наиболее сильна в провинции Гельменд, опорном регионе талибов в Афганистане.

Другая группа — «Лашкар-и-Ислам»² — боевая структура, действовавшая до последнего времени из округа Хайбер начиная с 2004 года. Первоначально она была сформирована Хаджи Намдаром и муфтием Муниром Шакиром и в 2010 году объединилась с «Тахрик-э-Талибан-Пакистан», когда-то своим ярим соперником, ее руководство в настоящее время также переехало в Афганистан. Группа ставила целью обеспечение соблюдения исламских законов в округе Хайбер и искоренение так называемых неисламских обычаев. Группа открыто противодействует влиянию своих конкурентов — «Ансарул Ислам»³ и «Таухидул Ислам» [12]. Исламское движение Восточного

¹ «Джамаатул Ахрар» — движение, запрещенное в России.

² Прим. редакции: «Лашкар-и-Ислам» поменяла название на «Джейш-и-Ислам», запрещена в России.

³ Прим. редакции: «Ансарул Ислам» — организация, деятельность которой запрещена в России.

Туркестана¹ — антикитайская группировка, основанная воинствующими уйгурскими исламистами в провинции Синьцзян на западе Китая. Муфтий Абу Зар аль-Беруни — главный лидер группы, большинство боевиков перебравшись в Афганистан самостоятельно или частично вместе с пакистанскими талибами. И наконец, одной из наиболее влиятельных структур движения традиционно признана «Сеть Хаккани»², долгие годы контролировавшая важные приграничные коридоры в трансграничной зоне между Афганистаном и Пакистаном. «Сеть Хаккани» возглавляет Сираджуддин Хаккани³. После того, как талибы получили полный контроль над страной, а именно 7 сентября 2021 года, он был назначен министром внутренних дел Исламского Эмирата Афганистан и пользуется личной поддержкой главы правительства Хайбатуллы Ахунда.

Уже в нынешней и крайне сложной в экономическом плане ситуации правительство талибов хорошо осознает необходимость демонстрации готовности и способности бороться с множеством вызовов, а именно изгнанием иностранных боевиков из Афганистана. Выполняя свои обязательства по упрочению позиции в отношении радикальных религиозных групп боевиков и обеспечивая политическую стабильность в стране, талибы смогут также завоевать доверие в первую очередь своих ближайших соседей — государств Центральной Азии и ведущих держав мира. Ведь задача эта довольно непростая, хотя бы потому, что политическая власть в Афганистане, с одной стороны, крайне заинтересована в признании

мировым сообществом собственной легитимности, снятии международных санкций, разморозке госактивов Центробанка, установлении кредита доверия и полноценном включении в программы внешней помощи для восстановления экономики, а с другой, на протяжении долгих лет сохраняла идеологическую близость и узы «боевого братства» с целым рядом известных групп радикалов и боевиков в условиях жесткого вооруженного сопротивления в Афганистане.

Не менее сложным и крайне противоречивым в политической повестке Исламского Эмирата Афганистан становится фактор Пакистана, а именно активные попытки пакистанского руководства вести переговоры с пакистанским крылом движения «Талибан» [15]. Такая ситуация может пошатнуть и без того непростые взаимоотношения внутри самого руководства движения, ввиду чего безусловно приведет к углублению раздела интересов внутри движения на афганские и пакистанские. В то же время руководство Исламского Эмирата Афганистан вряд ли пойдет на обострение отношений с Пакистаном, так как именно Пакистан был одной из ведущих сторон, лоббировавших открытие представительства движения в Дохе и начало переговоров с США. В свою очередь Пакистан не решится на обострение отношений с талибами из опасения потерять влияние на них [Там же].

Государства Центральной Азии, имея обширные границы с Афганистаном, исходят из консенсуса в вопросе полноформатного включения соседнего Афганистана в региональные экономические процессы. Определение общей региональной повестки невозможно без учета афганского фактора. По мнению С. Сафоева, высокопоставленного узбекского сенатора и опытного дипломата, «Афганистан имеет потенциал стать региональным торговым центром», и «...соседу нужен транспортный коридор Север-Юг» [21].

¹ Прим. редакции: «Исламское движение Восточного Туркестана» — организация, деятельность которой запрещена в России.

² Прим. редакции: «Сеть Хаккани» — организация, деятельность которой запрещена в России.

³ Сираджуддин ранее был выбран в качестве заместителя муллы Ахтара Мансура, главы «Талибана», который был убит в результате удара беспилотника в Пакистане.

Поэтому одной из приоритетных задач становится всестороннее содействие социально-экономическому восстановлению их южного соседа. К примеру, с начала 2017 года объем товарооборота Узбекистана с Афганистаном вырос на 25%, составив около 600 миллионов долларов [19]. В рамках ранее принятой Дорожной карты развития сотрудничества не прекращались ежегодные поставки минеральных удобрений, продукции и комплектующих сельхозтехники, сотен тысяч тонн различных сортов зерновых и других видов продовольствия южному соседу. На передний план выходят вопросы углубления геоэкономического потенциала и возможностей трансафганского коридора Термез — Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар, автомобильной и железной дорог Китай — Киргизия — Узбекистан, создания Регионального центра развития транспортно-коммуникационных отношений при ООН, Регионального

совета по транспортным коммуникациям, разработки совместных мер по созданию общего энергетического пространства, единого энергетического кольца в Центральной Азии [20].

Возможно, именно поэтому первой и единственно результативной в таких условиях защитной стратегией современного Афганистана от дальнейшего углубления кризиса может стать диалог и поиск оптимальных путей выхода на качественно новые подходы к созданию открытой и защищенной социальной системы, решения фундаментальных политических и культурно-цивилизационных проблем, определяющих рост и развитие любого государства. Как бы то ни было, очевидно одно: ситуация в Афганистане останется в обозримом будущем важным вектором региональной геополитики и продолжит оказывать влияние на расстановку международно-политических сил в мире в целом.

Литература

1. Чекризова О. Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане (Северо-Западный регион) // Россия и мусульманский мир. Научно-информационный бюллетень. — Институт научной информации по общественным наукам РАН, Центр гуманитарных научно-информационных исследований. — 2014. — № 8 (266).
2. Karmon E. Coalitions between terrorist organizations: revolutionaries, nationalists and Islamists. — Imprint Leiden, The Netherlands; Boston, [Mass.]: M. Nijhoff, 2005. — URL: https://www.researchgate.net/publication/265361693_Coalitions_Between_Terrorist_Organizations_Revolutionaries_Nationalists_and_Islamists.
3. Raman B. Terrorism in Thailand: Tech & Tactics Savvy. — South Asia Analysis Group Paper. — No. 1321. — April 2005. — URL: http://www.saag.org/papers14/paper_1321.html.
4. Casaca P. Terrorism Revisited Islamism, Political Violence and State-Sponsorship / Casaca P., Wolf S.O. — Brussels, Belgium: Springer International Publishing AG, 2017. — DOI 10.1007/978-3-319-55690-1.
5. Foreign Terrorist Organizations. — 2017. — U.S. department of state. — Retrieved May 5, 2017, from <http://www.state.gov/j/ct/rls/other/des/123085.htm>.
6. Tilly Ch. Terror as Strategy and Relational Process / International journal of comparative sociology. — SAGE Publications, 2005.
7. Rana M.A. The task ahead // Dawn. — January 3rd. — 2016. — URL: <http://www.dawn.com/news/1230345/the-task-ahead>.
8. Combatting Jihadism in Afghanistan. — SADF. — Policy brief. — 2015, November 26. — Retrieved May 5, 2017, from <http://sadf.eu/new/blog/combating-jihadism-in-afghanistan/>.
9. Rana M.A. et al. Dynamics of Taliban Insurgency in FATA. — Islamabad: Pak Institute for Peace Studies, 2010.
10. Crenshaw M. Explaining terrorism: Causes, processes and consequences. — N. Y.: Routledge, 2011. — Retrieved May 5, 2017, from <https://www.routledge.com/products/9780415780513>.
11. PIPS (Pak Institute for Peace Studies). — 2014. — January. — Pakistan Security Report 2013. — Islamabad. — URL: <http://pakpips.com/securityreport.php>.

12. PIPS (Pak Institute for Peace Studies). — 2016. — January. — Pakistan Security Report 2015. — Islamabad. — URL: <http://pakpips.com/securityreport.php>.
13. Statistics are derived from PIPS database on conflict and security. — URL: <http://pakpips.com/aboutdatabase.php?id=1>.
14. *Rana M.A.* Negotiating with militants // Dawn. — November 14th, 2021. — URL: <https://www.dawn.com/news/1658008/negotiating-with-militants>.
15. Proscribed Terrorist Groups or Organisations // GOV.UK. — 2017. — Retrieved May 5, 2017, from <https://www.gov.uk/government/publications/proscribed-terror-groups-or-organisations-2>.
16. *Laqueur W.* The political psychology of appeasement: Finlandization and other unpopular essays. — 1st ed. — New Brunswick, NJ: Transaction, 1980.
17. *Laqueur W.* No end to war: Terrorism in the twenty-first century. — London: Bloomsbury Academic, 2003.
18. *Арипов Э.* Узбекско-афганские отношения: новый этап динамичного развития // Журнал Международные отношения. — 2018. — № 1. — URL: <https://www.uwed.uz/ru/e-journal/13>.
19. Политический прагматизм во взаимосвязанном мире: интервью министра иностранных дел Республики Узбекистан А.Х. Камилова главному редактору газет «Правда Востока» и «Янги Ўзбекистон». — 8 октября 2021. — URL: <https://yuz.uz/ru/news/politicheskiy-pragmatizm-vo-vzaimosvyazannom-mire>.
20. *Umarov A.* The "Afghan Factor" in Uzbekistan's Foreign Policy: Evolution and the Contemporary Situation // Asian Affairs. — № 52 (3): 1–18 / August 2021. — DOI: 10.1080/03068374.2021.1957321.
21. *Ishikawa Y.* Afghanistan should be regional trade hub // Asia Nikkei Agency. — October 21, 2021. — URL: <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/Afghanistan-should-be-regional-trade-hub-says-top-Uzbek-senator>.